

78 656 09 февраля 2018 в 8:00

Автор: Никита Мелкозеров. Фото: Максим Тарналицкий, из личного архива героев текста

«Татуировка стоила $30, хирург в то время получал $20». Как белорусы забивались в девяностые

Автор: Никита Мелкозеров. Фото: Максим Тарналицкий, из личного архива героев текста

20 лет назад мальчики и девочки не забивали себе рукава, не татуировали веки, скулы и даже кисти рук. Под кожу редко вгонялись цветные чернила. Мамы-папы-бабушки-дедушки четко ассоциировали татуировки с тюрьмой. Рисунки бились на съемных и не очень съемных квартирах самопальными машинками с «органами» из электробритв или кассетных плееров. Тигры, скорпионы, волки, бабочки — было достаточно однообразно, но романтично.

Тусила, весь в мастях

Декорации салона «У Лисицы» — культового для белорусской татуировки места. Рассказывает его идейный вдохновитель Светлана Жигимонт.

— Честно, не было такого, чтобы я сидела-сидела у окна и вдруг захотела бить татуировки. Да, времена были голодные. Но я жизнь воспринимаю как игру и вызов. А девяностые предоставляли их сполна. И у меня не было сомнений, что я что-нибудь да заработаю.

Светлане тогда исполнилось 26.

— Я тусила по ночным клубам, развлекалась и балдела. Потом стала думать, что, наверное, пора что-то сделать в этой жизни. И вот как-то раз оказалась в одной интересной компании. Помню, я на кухне. Приходит один парень. А отсидел он много. Весь в мастях. Смотрю на него и спрашиваю: «Слушай, а тебе больно было?» — «Ну, да... Знаешь, но я так хочу себе что-то цветное, ну, так, что сил нет!» А сам сидит весь в синих чернилах.

Парню хотелось большого цветного дракона. Но сделать его было негде. Шел 1993 год.

— В общем, стала я думать, как бы войти в тему и заодно срубить бабла на татуировке. Тем более рисовать умела. Потом мы познакомились с Пашей Жигимонтом. Я донесла ему свою идею. Начали думать.

Коньяк, партаки

Как раз тогда Светлане досталась ее первая татуировочная машинка.

— Той машинкой я стала колупать себе змейку на стопе. Там мяса почти нет. Боль дикая. Запивала коньяком и делала. Но когда я много выпивала, было трудно все это рисовать. Игла все время заедала. Эту несчастную змейку я еле наколупала. Такая позорная получилась. Раза за три сделала — и это только контур. Я просто столько выпить не могла, чтобы все происходило быстрее. Можно было вколоть лидокаин, конечно. Но нормальных одноразовых шприцев в Минске еще не продавалось.

Было решено начинать бизнес. Для распространения информации дали объявление в газету «Ва-банк». Получилось удачно. Клиенты стали звонить почти что сразу.

— На самом деле я тогда еще толком ничего делать не умела. Ну, ковырнула себя пару раз. Попробовала, но не распробовала. Хорошо, что была наглая. Я ж художник, рисовать умею. А тут всего лишь смена материала. Был холст — стала кожа. Мне казалось, что все просто. Да, потом поняла свою ошибку. Но диких партаков все равно не била.

Исполком, обычные бандиты

Квартира находилась на Карастояновой. Ее снимали специально под нужды татуировки.

— Кроме меня, был еще какой-то уголовник, который делал татуировки цветными чернилами, плюс мой знакомый Саша Шахлевич. С Сашей мы примерно в одно время начали. Работали параллельно. Он — на своем районе, я — на своем. Если не ошибаюсь, Саша бил недалеко от исполкома Минского района, там еще похоронное бюро недалеко… А! Ольшевского улица. Возможно, я кого-то и не знала. Но, грубо говоря, на город в начале девяностых было три мастера цветной татуировки. Это 1994 или 1995 год. Три, надо отметить, — это еще хорошо. В той же Москве специалистов было не много.

При этом публика была самая разная. На квартиру к Светлане приходили обычные девчонки, обычные бандиты, таможенники и даже один милиционер.

— Когда заработал наш официальный салон, принимали даже снайперов из КГБ. У силовиков были очень похожие запросы. В основном наносили им символ принадлежности к сообществу. А милиционер наш был полковником. По-моему, попросил тигра.

Иероглифы, жрать охота

Первый клиент хотел что-то восточное. То ли иероглифы, то ли дракона. Забыть легко, потому что тематика заказов была не самая разнообразная.

— Тогда были тигрики, дракончики, иероглифы, волк, медведь. Девочки били бабочек и виньеточки по телу. Ну и все.

До того в городе были востребованы татуировки иного рода. Зэки постоянно приходили в художественные вузы наводить справки. Правда, делали это более прошаренные ребята.

— Кольщики были более-менее всегда. Но это ребята, про которых Михаил Круг пел. Если требовалось что-то художественное и не синими чернилами, тогда уже надо было искать других людей. В Академии искусств всегда находились ребята, согласные нарисовать красивый эскиз и перевести его. Студенты делали это на свой страх и риск. Ну а как иначе? Денег нет, а жрать охота.

В их машинках использовались аккумуляторы из музыкальных плееров. Все обязательно промывалось водкой. Водка шла и внутрь как анестезия. Но в итоге она сжигала ткань, так что получалось еще больнее. Но хоть какой-то антисептик. В тюрьме использовали слюну.

Электробритва, Мистер Боль

На первых порах Светлана пробовала работать машинкой из электробритвы. Оттуда вынимался аккумулятор. Этот моторчик гонял иглу, сделанную из струны и заточенную на бруске. Вот и вся премудрость. Прилада была придумана в СССР. Использовалась моряками, солдатами и зэками.

— Первую татуировку я делала два дня. Объем? Ну, пачка сигарет. Сейчас такая делается за 40 минут. А тогда машинка не тянула.

В итоге Светлана быстро поняла, что так работать невозможно.

— Я тогда занимался зажигалками Zippo и ножами, — говорит Павел Жигимонт. — *Периодически ездил в Москву. Там нашел ребят, которые плотно интересовались татуировкой. Обзвонил человек десять. Восемь меня послали со старта. Остались двое. Нашел в итоге одного парня модельной внешности по кличке Мистер Боль. Он и продал первую машинку.*

Та машинка была сделана из полой ручки, которую в своем труде используют ювелиры. Ручка была основой. На нее вешался авиамодельный движочек. В аптеке покупалась и резалась система для переливания крови. Добавлялись струны. Из всего этого сочинялась татуировочная машинка.

«Канцтовары», втридорога

— Супер была вещь. Легенькая, как шариковая ручка. Я ей работала очень долго. И на профессиональную переходила с большим трудом: она тяжелая, неудобная.

Машинка стоила $100. Но далеко не нынешних $100. На ту сотку можно было месяц жить. Краску покупали в «Канцтоварах». Правда, не минских, а московских. Перепродавали втридорога.

Первые татуировки стоили $30. Размер — примерно с сигаретную пачку.

— В Америке была фирмочка, которая предлагала следующую услугу, — говорит Павел. *— Типа если вы эмигрировали и хотите помочь вашим бедным родственникам в Беларуси, то дайте нам денежку, за которую им соберут продуктовый набор. В то время, когда все было в дефиците, идея оказалась хорошей. На $12 я мог купить два пакета еды. Палка колбасы, два килограмма мяса, масло, сахар — все что хочешь. На две недели этого хватало. То есть 30 баксов — это серьезно. У меня одноклассник стал хирургом и тогда получал $20.*

Коробок, зашел поутру

Почему татуировки мерились пачками сигарет?

— Не коробка́ми! Пачками. Коробка́ми всегда мерили коноплю. Мера приехала к нам из Москвы. Когда мы собрались открываться здесь, в российской столице уже два года работал первый у соседей салон татуировки «Три кита». Когда к нам начали приходить клиенты и спрашивать: «А сколько стоит тату размером со спичечный коробок?» — мы отвечали, что не торгуем коноплей.

На людей с татуировками в Минске реагировали по-всякому. Зрелое и пожилое население все это отрицало. Была четкая ассоциация с уголовными мастями или армейскими партаками. Молодежь, напротив, испытывала любопытство и желание. Но была проблема найти мастера, который бы все сделал хорошо. Ну, и боязнь.

— У меня приятель месяца за два до открытия нашего салона как-то снял девчонку, — вспоминает Павел. *— Я к нему зашел поутру. И он стал передо мной хвастаться. Но не своей молодой и симпатичной девчонкой. Подвел меня к кровати, развернул ее спиной и говорит: «Смотри! У нее бабочка!»*

Старый уклад, на районе

— От ребят на районе можно было огрести за что угодно, не только за татуировку. Пугалок хватало. Типа сделаешь себе волка, а его имеют право носить только определенные категории людей. Старшие говорили: «От тюрьмы не зарекайся, а то еще попадешь», — говорит Павел.

На самом деле реформировался не только старый уклад, но и воровская среда.

— Тюремная татуировка — это строго регламентированные вещи. Конечно, если человек набьет себе три купола на воле и станет пальцы раскидывать, а потом на зоне окажется, что он первоходок, то огребет по полной. Но это касается только тюрьмы. Мы же говорим о художественной татуировке.

— Года до 2010-го люди стремались и спрашивали, нет ли у тату тюремного значения. В «нулевых» еще работали стереотипы. У нас даже на рецепции висел

плакат: «Волк означает волка, лиса — лису, крест — креста, петух — петуха!» — смеется Светлана.

Стоял 1995 год. Павел и Светлана собирались делать бизнес на тату-салоне.

— Знаете, с таким же успехом в то время в Беларуси можно было попробовать открыть публичный дом или казино без бандитов. Но мы все это легализовали. И когда открывали салон, набирали в него исключительно художников с образованием.

Шесть кошек, шрамы на щеках

Ты с татуировкой, я с татуировкой — давай дружить. Такого, чтобы люди объединялись по интересам, в девяностых не было. Разве что иногда проводились конкурсы татуировки во время вечеринок.

— Позже начались конвенции и фестивали. На моей памяти в Беларуси прошли десять первых тату-конвенций. Такое чувство, что каждый мастер проводил такие фестивали. Это было смешно.

Белорусская татуировка стала повариативнее только в середине 2000-х.

— Раньше одну кошку здесь могли делать по шесть штук за день. Мы же с постсоветского пространства, люди очень привыкли быть одинаковыми. Когда сюда заходил мужчина в годах, наши мастера начинали делать ставки: волк или скорпион? Других вариантов особо не было. Авантюр почти не происходило. Только к десятым годам это вошло в широкий обиход.

— Исключения случались редко, — делится опытом Светлана. *— Был мужик, которому я забивала лысину мелкими точечками. Помню клиента с двумя шрамами на щеках. Надо было их скрыть. Как-то пришел мужчина, спрашивает: «Сколько стоит минималка?» Узнал. Говорит: «Набейте мне на руке простой крестик. Полоска на полоске. Малюсенький». — «Так, может, как-то украсим?» — «Нет. Простой крест». — «Зачем? Поделитесь». — «Я богу пообещал, что брошу пить. А это мне зарубка. Буду видеть, может, появится шанс, что реально брошу». Пришел через год. Спросили его, как дела. Сказал, что бросил.*

Клиника, Тарантино

Первое полностью официальное помещение салона «У Лисицы» — кабинет в клиническом центре пластической хирургии.

— Только-только получили кабинет, взяли старое, списанное стоматологическое кресло, — рассказывает Павел. *— Первое апреля. И тут приходит человек. Респектабельный дядечка, холеный, с брюликом в ухе, на пальчике перстенек. Начинает: «У вас салон». — «У нас салон». И вежливо так: «А не могли бы вы мне свастику набить?..»*

— Бог шельму метит, — подхватывает Светлана. *— Хочет человек пометить себя чем-то страшным — его дело. Благо у нас теперь свастика запрещена к нанесению. Что меня конкретно подбешивает из негласно не запрещенного — это сатанинские вещи. Никогда бы не взялась.*

Изображения на лице, белках глаз и подобные ветеранам белорусской татуировки не нравятся.

— Нет-нет-нет. Я с отвращением к этому отношусь. Это что-то психическое, в моем представлении. В девяностых, «нулевых» по всем салонам Москвы и Минска была распространено мнение, что уважающий себя татуировщик не наносит изображения на кисти рук, лицо и даже шею. Потом Тарантино снял «От заката до рассвета» — позволительная татуировка заползла на шею. А потом люди пошли во

все тяжкие. Но я до сих пор не поддерживаю. Ну, лицо — это лицо. Но ничего не попишешь. Рэп сделал свое дело.

Косметика по уходу за лицом в каталоге Onliner.by

Читайте также:

- Создатель журнала «Каламбур» о черном юморе и бешеной популярности в 2000-х
- «Никто не фоткал тебя на тренажере, чтобы потом смеяться в комментариях». Каким был белорусский ЗОЖ до Instagram
- «Цены были брутальные: квартира стоила 8000, а пара кроссовок — 2500». Сникерхеды из восьмидесятых о хайпе и идиотизме
- «Солодухе у нас заложило уши от криков публики». История культового минского клуба «Граффити», знаменитого своими тусовками

Наш канал в Telegram. Присоединяйтесь!

Быстрая связь с редакцией: читайте паблик-чат Onliner и пишите нам в Viber!

Перепечатка текста и фотографий Onliner.by запрещена без разрешения редакции.
nak@onliner.by

Социум / Теги: Onliner, Ностальгия, Татуировка